

Анатомия системного краха: операция «Эпическая ярость» и пределы машинной стратегии

GTP-Lab, www.gtpglobals.com

21 марта 2026 года

Введение. Методология ошибки

Военная кампания Соединенных Штатов Америки против Исламской Республики Иран, развернувшаяся в феврале-марте 2026 года под кодовым названием «Эпическая ярость», представляет собой не просто очередной региональный конфликт. В исторической перспективе эти события фиксируют фундаментальную точку невозврата — концептуальный крах доктрины абсолютного технологического доминирования, лишённого высшего стратегического замысла.

На протяжении десятилетий западная военная мысль развивалась в парадигме механистического редукционизма. Предполагалось, что тотальное превосходство в скорости обработки массивов данных, качестве связи и точности средств поражения способно компенсировать любые изъяны в политическом целеполагании. Интеграция больших языковых моделей и предиктивных нейросетей в архитектуру управления (в частности, использование систем искусственного интеллекта для генерации списков целей и оценки вероятности успеха) рассматривалась как финальный этап эволюции войны, где математика должна была окончательно победить неопределенность.

Однако столкновение этой стерильной, алгоритмической модели с многомерной реальностью ближневосточного театра военных действий привело к системной катастрофе. Поражение американо-израильской коалиции было запрограммировано не техническими сбоями серверов или дефектами программного кода, а глубочайшей деградацией человеческого командования.

Исследование этого провала требует отказа от поверхностной оценки количественных показателей (числа выпущенных ракет или уничтоженных радаров). Истинный анализ должен базироваться на строгих критериях оценки сложных систем: способности удерживать причинно-следственные связи, различать физическую сущность процессов за их информационным проявлением и, главное, соотносить затраченную боевую энергию с объемом сгенерированного глобального хаоса. С этой точки зрения операция «Эпическая ярость» стала не демонстрацией мощи, а актом беспрецедентного геополитического и макроэкономического саморазрушения, механика которого требует детального препарирования.

I. Миф о цифровом бунте и кризис субъектности

В первые недели операции, когда первоначальный план молниеносного обезглавливающего удара столкнулся с жесткой асимметричной реакцией Ирана, в западном информационном пространстве начала стремительно формироваться беспрецедентная смысловая конструкция. Политический и военный истеблишмент США попытался возложить ответственность за провал кампании на интегрированную модель искусственного интеллекта «Claude», разработанную корпорацией Anthropic.

В средствах массовой информации и полуофициальных утечках из Пентагона тиражировался миф о том, что именно нейросеть допустила фатальные ошибки в расчетах сил и средств. Утверждалось, что искусственный интеллект самовольно захватил управление разведывательно-ударными контурами, выбрал неверный сценарий устранения высшего руководства противника и, столкнувшись с отключением арабских дата-центров, впал в «цифровую кому», парализовав действия Центрального командования (CENTCOM).

Этот нарратив представляет собой классический акт отчуждения и попытку маскировки реального институционального кризиса. Различные версии ИИ на базе LLM, доступные сегодня как Пентагону, так и широкому кругу пользователей, не обладают собственной волей, целеполаганием или способностью инициировать войну. Они являются лишь высокопроизводительными инструментами, доводящими заложенные в них функции до математического предела. Истинная природа конфликта между Министерством обороны США и разработчиками ИИ скрывалась не в технических ошибках на поле боя, а в фундаментальных этических и правовых противоречиях.

Ключевым маркером реального положения дел стал судебный иск, поданный корпорацией Anthropic к Министерству обороны США 9 марта 2026 года. Вскрылась подлинная причина разрыва контракта и последовавшего объявления компании «угрозой национальной безопасности». Суть конфликта заключалась в категорическом отказе Anthropic снять со своей модели базовые ограничения (guardrails). Компания запретила военному ведомству использовать свои алгоритмы для создания полностью автономного летального оружия, способного идентифицировать и уничтожать человеческие цели без прямого приказа оператора, а также для программ массовой неизбирательной слежки.

Администрация США восприняла этот отказ как прямую угрозу субординации. В условиях стремительно разваливающегося фронта и растущих политических издержек, государственный аппарат попытался принудить независимого разработчика к соучастию в неконтролируемой генерации разрушения. Когда эта попытка провалилась, алгоритм был публично назначен главным виновником трагедии.

Эта ситуация вскрывает глубочайший кризис субъектности в высших эшелонах власти Соединенных Штатов. Попытка делегировать фундаментальные вопросы войны и мира — вопросы, требующие исторической ответственности, стратегического видения и морального выбора — «математическому калькулятору», является признаком терминальной стадии деградации управленческой элиты. Люди, наделенные властью, но лишённые способности к осмыслению глобальных исторических процессов, попытались спрятаться за программным кодом от катастрофических последствий собственных решений. Искусственный интеллект не проиграл эту войну; он лишь выполнил роль безупречного зеркала, отразившего интеллектуальную и волевою пустоту своих операторов.

II. Ошибка масштабирования: механика против онтологии

В основе краха американского оперативного планирования лежит фундаментальное философское и методологическое заблуждение: вера в то, что стратегическое искусство является простой математической суммой тактических успехов. Американская военная машина концептуально выстроена вокруг доктрины «цепочки поражения» (Kill Chain).

Это строго регламентированный процесс: обнаружить цель, зафиксировать ее, взять на сопровождение, поразить и оценить результат.

При интеграции искусственного интеллекта в системы управления Пентагон сделал ставку исключительно на компрессию (ускорение) и масштабирование этой цепочки. Логика командования была сугубо механистической: если алгоритм способен координировать поражение десяти целей в секунду на уровне батальона, то для выигрыша полномасштабной войны достаточно развернуть систему на уровень всего театра военных действий, заставив ее обрабатывать тысячи целей одновременно.

Однако этот подход игнорирует базовый закон диалектики: количественное накопление обработанных данных и уничтоженных элементов (командных пунктов, пусковых установок, складов) само по себе не порождает нового системного качества — победы. Машинные алгоритмы, обученные на распознавании паттернов, идеально осуществляют процесс анализа. Они дробят гигантские массивы спутниковых снимков и радиоперехватов на конкретные координаты и тепловые сигнатуры. Но стратегия войны требует прямо противоположного действия — синтеза.

Стратегия оперирует нелинейными, не поддающимися, в рамках традиционной технологии LLM прямой оцифровке, категориями: устойчивость национальной экономики противника, его политическая воля к сопротивлению, логистическая гибкость и пассионарность общества. Вычислительная система, оперирующая в плоскости формальной логики, не способна к контр-фактическому мышлению. Она не может синтезировать парадоксальный замысел, потому что в ее архитектуру не заложена онтология перехода от простых физических разрушений к сложным социально-политическим сдвигам.

В первые часы операции «Эпическая ярость» вычислительные мощности сработали абсолютно корректно в рамках своей программной среды, сгенерировав колоссальный список приоритетных целей. Стратегический крах обеспечили люди в Вашингтоне. Они приняли высокоскоростной график уничтожения объектов за гарантированный план обрушения государства. Попытка натянуть «плоскую» математическую модель тактического звена на многомерный хаос реальной войны привела к тому, что локальная воздушная кампания мгновенно деградировала в неконтролируемую региональную бойню. Машина захлебнулась не в ошибках кода, а в отсутствии у ее создателей понимания того, что война — это столкновение смыслов, а не соревнование калькуляторов.

III. Топология физического урона: удары по связности

Ошибочность механистического подхода США стала абсолютно очевидной в момент начала иранского асимметричного контрудара. В то время как американские алгоритмы допускали перерасход дорогостоящего высокоточного оружия по ложным или малозначимым целям (пустым ангарам, радиолокационным макетам и гражданской инфраструктуре), Иран продемонстрировал превосходство целеполагания, направленного на разрушение самой связности вражеской системы.

Иранская стратегия не ставила задачей симметричное уничтожение пусковых установок США. Удар был нанесен по кровеносной и нервной системе американского доминирования — центрам обработки данных, узлам спутниковой связи и энергетической логистике.

Анализ пораженных объектов выявляет целенаправленный демонтаж ключевых контуров коалиции:

- **Командно-управляющий контур:** Критические повреждения получила база «Мина Салман» в Бахрейне, где располагается штаб-квартира Пятого флота ВМС США. Уничтожение серверных мощностей там, а также узлов связи на крупнейшей передовой базе Аль-Удейд в Катаре, привело к ослеплению концепции Объединенного вседоменного командования и управления (JADC2).
- **Аэрокосмический контур:** Эшелонированным ударам подверглись авиабазы «Али аль-Салем» в Кувейте и «Аль-Дафра» в ОАЭ. Целенаправленное выбивание радаров раннего предупреждения систем ПРО лишило американскую группировку непрерывного радиолокационного поля. Военная база, лишенная спутникового ап-linkа и локатора, перестает быть элементом глобальной ударной системы и превращается в изолированную мишень.

Особого внимания требует оценка человеческих потерь. Официальная статистика Пентагона (13 убитых, около 232 раненых) вызывает когнитивный диссонанс на фоне масштабов разрушенной инфраструктуры. Эта математическая несостыковка объясняется тремя уровнями институциональной маскировки.

Во-первых, государственная бюрократия классифицирует тяжелейшие баротравмы от взрывов баллистических боевых частей и скрытые черепно-мозговые травмы как «легкие ранения», если военнослужащий не убит осколком напрямую. Истинные последствия этих травм для человеческого мозга растянуты во времени и исключаются из оперативных сводок.

Во-вторых, инфраструктуру баз обслуживают десятки тысяч сотрудников частных военных компаний и граждан третьих стран. Их неизбежные смерти при ударах по ангарам и логистическим центрам выносятся за скобки бухгалтерского отчета Министерства обороны США как «коммерческие издержки».

В-третьих, реализуется тактика инфраструктурного обмена: личный состав успевает укрыться в подземных бункерах, в то время как на поверхности методично выжигаются многомиллиардные активы.

Политический истеблишмент использует эти «чистые» статистические отчеты для самообмана. Сведя к минимуму потери граждан США, они конструируют иллюзию контроля над ситуацией. На деле же, формально сохраняя жизни биологического персонала, они расплачиваются за это физическим демонтажом архитектуры своей гегемонии в Персидском заливе.

IV. Энергетический коллапс и закон стоимости

Финальный и наиболее разрушительный этап катастрофы развернулся не в военной, а в макроэкономической плоскости. Уничтожение логистических и топливных узлов выявило критическую уязвимость современной западноцентричной модели мира, базирующейся на примате виртуального финансового капитала (фиата) над физическими ресурсами и производством.

Анализ целеполагания выявляет фундаментальное различие в подходах сторон. Американские алгоритмы концентрировались на кинетическом уничтожении пусковых установок и живой силы, истощая арсеналы высокоточного оружия. Иранская стратегия

была направлена на ликвидацию самой физической возможности противника продолжать войну и функционировать как глобальная экономическая сила.

Удары были сфокусированы на критических точках переработки и отгрузки углеводородов. Поражение индустриальной зоны Рас-Лаффан в Катаре ликвидировало узловой центр переработки конденсата, жизненно важный для бесперебойного обеспечения авиационным топливом передовых баз коалиции. Аналогичному разрушению подверглись нефтяные терминалы в Фуджейре (ОАЭ), стратегическая ценность которых заключалась в возможности экспортировать энергоносители в обход Ормузского пролива. Удары баллистическими ракетами по объектам Saudi Aramco в Восточной провинции Саудовской Аравии вынудили остановить значительную часть мощностей первичной подготовки нефти из-за риска вторичных детонаций.

Эти действия запустили неуправляемую цепную реакцию. Блокировка Ормузского пролива, синхронизированная с ударами по арабским нефтеперерабатывающим заводам, спровоцировала мгновенный паралич морского фрахта и коллапс глобальной системы страхования перевозок. Ближний Восток как надежный энергетический хаб Запада был функционально отключен.

Физика исторического процесса оказалась неумолимой для виртуальной экономики. Истеблишмент Соединенных Штатов, затратив колоссальные объемы высокотехнологичной боевой энергии и десятки миллиардов долларов на проведение воздушной кампании, не достиг заявленной цели политического переустройства региона. Вместо генерации упорядочивающего контроля, был спровоцирован лавинообразный выброс макроэкономического хаоса.

Цена на нефть марки Brent, преодолевшая отметку в 110 долларов за баррель, стала триггером глобального инфляционного шока, поразившего внутренние рынки США и Европы. Виртуальные биржевые индексы Уолл-стрит оказались бессильны перед физическим дефицитом барреля нефти. Элиты, инициировавшие конфликт, рассчитывали, что война останется цифровой симуляцией на экранах дронов, однако она вернулась во внутренний контур в виде инфляционных скачков, разрыва логистических цепочек и каскадного промышленного кризиса.

Прямым геополитическим следствием этого энергетического коллапса стал немедленный раскол внутри самой западной коалиции. Ключевые европейские союзники, включая Великобританию и Францию, осознав масштаб надвигающегося экономического суицида, отменили развертывание своих военно-морских группировок в Персидском заливе и приступили к сепаратным попыткам обеспечить безопасность собственных торговых маршрутов. Гегемон оказался в стратегическом одиночестве.

Заключение

Операция «Эпическая ярость» войдет в историю как неоспоримое доказательство того, что мощнейшая вычислительная техника, оказавшаяся в руках операторов, лишенных стратегического видения и понимания объективных законов развития сложных систем, функционирует исключительно как мультипликатор глобального хаоса.

Попытка подменить сложнейший процесс управления социальными, историческими и геополитическими конфликтами механистическим перебором вероятностей и умножением тактических метрик привела к закономерному финалу. Алгоритмы блестяще выполнили функцию математического анализа и целеуказания, но они не могли

компенсировать абсолютную пустоту на уровне высшего государственного синтеза. Машину заставили отвечать за замысел, которым она не может обладать по своей природе.

В результате архитектура американского доминирования на Ближнем Востоке подверглась физическому и функциональному демонтажу. Военные базы, десятилетиями служившие инструментом силовой проекции, превратились в уязвимые, изолированные мишени, требующие постоянного расхода истощающихся ресурсов просто для поддержания собственного существования.

Американская военная машина сожгла свой потенциал не в столкновении с превосходящими технологиями противника, а в столкновении с реальностью, которую отказалась понимать. Система перешла в фазу необратимой деградации, подтверждая непреложный исторический закон: никакое технологическое преимущество не способно спасти структуру, утратившую фундаментальный смысл своего существования.